

Власть над Османской империей в руках молодого султана Мустафы. Но он фактически не правит. Кёсем-султан, жена покойного султана Османа, и ее верные помощницы занимаются реальными делами государства, выстраивая хитрые политические схемы. Кёсем намерена укрепить свою власть любыми способами. На престол должен взойти ее сын Мурад. Но враги готовят покушение на принца... Те, кто еще вчера клялись Кёсем в верности, сегодня готовы всадить нож в спину повелительнице. В руках бывшей рабыни и невольницы власть над великой Османской империей. Однако тот, кто высоко летает, однажды может разбиться вдребезги...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5419-0

КЁСЕМ-СУЛТАН
ЗАГОВОР

Ширин
МЕЛЕК

Ширин
МЕЛЕК

КЁСЕМ-СУЛТАН
ЗАГОВОР

Ширин
МЕЛЕК

КЁСЕМ-СУЛТАН
ЗАГОВОР

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
М47

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

- © Григорий Панченко, 2018
- © DepositPhotos.com / Ellya, evaletova, обложка, 2018
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-5419-0

Глава 1

ПТИЧИЙ КРИК

«...Ум больных первого типа целиком погружен в размышление, так что воображение их пребывает в отдохновении и праздности; напротив, у больных второго типа воображение трудится непрерывно. Первые грустны, сосредоточены на одном-единственном предмете, придавая ему — но только ему — непомерно большое значение, что всегда сопровождается грустью и страхом. Больной рассудок вторых искажает любые представления: либо они перестают соответствовать друг другу, либо искажается их смысл; вместо грусти и страха характерны дерзость и буйство. В любом случае нарушается важнейшее соотношение истины и мысли во всей ее совокупности.

Когда болезнь проявляется во весь ужасный рост свой, различия между первой и второй разновидностью ее несомненны для любого. Но при ранних проявлениях ее лишь искуснейшие врачи, по воле Аллаха, сумеют обнаружить отличия. Поскольку причиной обеих разновидностей болезни является движение животных духов».

Книга о неистовстве и слабости

Дрозды орали.

Придворный поэт сказал бы, что на самом деле они поют, и сам тут же сочинил бы нечто сладкозвучное о птичьих голосах, звучащих подобно ангельскому зову. Но голоса певчих птиц — это ведь вопли, предупреждающие или угрожающие. А что они мелодичны, так звонкий перестук боевой

стали тоже мелодичен. Вот только от его звука цепенеет сердце.

Если уж сабли запели, то им не прикажешь остановиться, пока их лязг по каким-то своим законам не стихнет. Птицам не прикажешь тоже. Они умолкнут лишь летом, когда это прикажет их собственный закон, повелевающий заботиться о выводах. Если уж настало время птенцов выкармливать, то не до воплей — и без того хлопот полон рот.

Да... Птенцов...

Ей еще предстоит поставить на крыло двух своих птенцов. Их больше — но об этих двоих, кроме нее, никто иной не позаботится.

Кёсем знала, что при этой мысли возле ее глаз должны пролечь страдальческие складки. Сейчас, в темноте опочивальни, — можно: никто не увидит. Эта мысль вдруг тоже оказалась горькой.

Одна. На всю оставшуюся жизнь — одна, даже если будут еще встречи, тайные и явные, дневные или даже ночные... Ноша одиночества хасеки, жены покойного султана, тяжка. Ее не сбросить с плеч, и когда станешь валиде, матерью следующего султана. Многим султаншам выпало гнутья под тяжестью этой ноши, но тебе предстоит ощутить ее дважды. И никто не должен увидеть горестных морщин на твоём лице...

Даже малолетняя служанка, сладко спящая в изножье кровати. Вот такое оно, одиночество валиде и хасеки.

«Постой-ка... Ты что же, начинаешь жалеть себя, моя дорогая? Вот уж чего точно не подобает делать! Ни валиде, ни хасеки, ни наложнице-икбал, ни избраннице-гёзде. Ни юной служанке-гедиклис. У бабушки Сафие ты за такие мысли уже заработала бы полдюжины горячих по мягкому!»

Тут Кёсем улыбнулась. «Бабушка Сафие», валиде-султан, под покровительством которой она, бестолковая гедиклис, делала первые шаги в гареме, навсегда осталась для всех своих воспитанниц непререкаемым авторитетом. А мысли она

действительно умела распознавать куда раньше, чем те облекались в слова.

Этим искусством Кёсем и сама теперь владела мастерски. Но все равно чувствовала: до Сафие-султан ей еще далеко.

И в самом деле, хватит себя жалеть. Это лишь в бедных домах служанка ночует возле ног госпожи, оттого что той ее особо положить больше негде, ведь и сама-то хозяйка «госпожа» только по названию. Во дворце места хватит на всех и на все. Но младший гарем надо пополнять даже тогда, когда вроде бы незачем. Сейчас как раз незачем: очень нескоро предстоит ему вступить в игру, судьба до той поры неизбежно перетасует все игральные кости. Однако хасеки все равно должна присматриваться к тем гедиклис, что по возрасту подходят ее сыну.

Младшему из сыновей. Из тех сыновей, что растут во дворце. И о которых всем известно.

Эту малявку, что прислуживала ей вечером, зовут... Пынар? Дере? Кёсем вдруг поймала себя на том, что не может вспомнить ее имя. А ведь девчонка не первая попавшаяся, она обычно прислуживает ее ближайшей помощнице, Хадидже-первой, старшей из «девочек Кёсем»...

Вот как время летит. У «девочек Кёсем» уже есть свои девочки, служанки-воспитанницы... и их имен ты уже не упомнишь. Наверно, так и подступает старость?

Да нет же, вздор! До старости еще далеко. Куда старше была Сафие-султан, а таких оплошностей не допускала.

Где ты сейчас, наставница? Смотришь ли из своего далека на выученных тобой девочек? Немного их осталось, по-разному сложилась их судьба...

Женщина осторожно поднялась, сумев не потревожить сон безмятежно дрыхнувшей гедиклис, имя которой так и не вспомнила. В темноте нащупала тонкий шелковый халат, вдела босые ноги в сафьян туфель. Подошла к окну, отдернула занавеску, но ничего не увидела во тьме: душная ночь накрывала дворец словно шерстяным одеялом, липла к полу струйками пота.

Еще нескоро раздастся крик муэдзина, призывающий правоверных на первую молитву. Покамест лишь птицам за окном дано почуять близость подступающего утра. И они вопят — громче любого муэдзина.

Кёсем снова улыбнулась, представив, какое выражение появится на лице придворного поэта, получившего приказ воспеть эту мысль в стихах. Впрочем, даже наихудший придворный поэт отличается от певчей птицы тем, что готов умолкнуть по первому же слову. Это большое преимущество.

Наружная дверь из опочивальни вела на открытую веранду. Засов был тщательно смазан, щеколда ходила в петлях неслышно. Это, разумеется, было заведено не для того, чтобы щадить сон служанок, — но пусть уж еще немного подремлет девочка...

Дениз, вот как ее зовут. Не «дере» — ручеек, не «пынар» — источник, что куда больше бы подошло: нечто звонкое, мелкое, щебечущее, а сразу море — «дениз». Кто же так назвал эту малолетнюю гедиклис? Впрочем, это первое из гаремных имен, ничего не значащее, его в любом случае вскоре менять. Но все равно любопытно.

Будь спокойна в своем небесном далеке, Сафие-султан: твоя воспитанница все-таки помнит имена даже младших из своих служаночек.

Она бесшумно распахнула дверь — и замерла. Дежурный евнух стоял снаружи, прямо напротив нее, его правая рука была вытянута вперед, а пальцы, когтяще скрюченные, были устремлены чуть ли не к лицу Кёсем, к ее глазам.

Евнух тоже замер, не завершив движения. Даже, кажется, дышать перестал.

— Я сберегла твои силы, Зеки, — спокойно произнесла Кёсем. Его-то имя ей долго вспоминать не пришлось. — Ты собирался осторожно поскрестись в дверь, опасаясь разбудить меня стуком, но теперь можешь даже этого не делать. Сам видишь: не сплю. Говори.

— Я, госпожа... — едва сумел выдавить из себя Зеки, задрожав всем телом, — я не хотел...

— Тебя никто и не обвиняет в том, что ты намеревался убить меня, — сказала Кёсем еще спокойней и еще тише. Иначе бедолага, чего доброго, сейчас повалится в обморок. — Или зря разбудить. Без веской причины. Так говори же.

— Он... Он снова ходит, госпожа. — Евнух нервно сглотнул. — Ты приказывала, если это возобновится...

Да. Она приказывала известить ее сразу. Но как же хотелось верить, что этот приказ был отдан втуне, что лечение помогло и Мустафа, султан Блистательной Порты, несчастный мальчик, навсегда застрявший в своем туманном вневременье, сумеет обрести покой хотя бы по ночам.

— Веди.

Для прогулок с невидимыми спутниками Мустафа выбирал самые разные пути, да и вообще султан, даже безумный, в своем дворце волен ходить повсюду. Приходилось эту волю как-то неявно ограничивать, закрывая ворота или обустроивая изгороди там, где даже султану (особенно султану!) показываться слишком опасно, — во всяком случае, пока он в безумии. Но дворец велик, выбор безумца непредсказуем, поэтому Кёсем понятия не имела, куда сейчас поведет ее Зеки.

Только один раз оглянулась — не на звук, а на шевеление воздуха. Заспанная гедиклис, босая, едва успевшая набросить на себя шаль, торопливо семенила следом. На вытянутых руках перед собой она торжественно несла «малый утренний набор» своей госпожи: шкатулку с благовонной жевательной смолой, флакон лимонного настоя, два черепашьих гребня.

Шли молча, быстро. Дважды стражники расступались перед ними, один раз Зеки достал ключ со сложной бородкой и отпер неприметную калитку в междворовой стене, никем не охраняемую.

Дроздиньй крик висел в воздухе, как никогда напоминая многозвоний звенящий клинок.

— Вот здесь нужно ждать, госпожа, — прошептал евнух. Они остановились.

Времени до истинного рассвета, когда солнце высветит тонкую полосу над горизонтом и наступит срок чтения молитвы Фаджр, оставалось, Кёсем чувствовала... ну, где-то как если четырежды тот же Фаджр прочитать. Но дворик не был абсолютно темен, по углам горели масляные светильники. Это тоже было сделано по ее распоряжению, причем вовсе не для того, чтобы осветить дорогу султану: просто совсем рядом, за живой изгородью, высится спальный павильон наследников-шахзаде, а покои своих сыновей Кёсем с некоторых пор приказала охранять особо.

Кёсем знала, что снаружи бдят четверо стражников, но в самом дворе сейчас никого не было. Она оглянулась на Зеки: тот, конечно, мог ошибиться или сам Мустафа мог передумать, свернуть неизвестно куда...

— Сейчас, госпожа, — прошептал евнух. — Тут нет другого пути.

Мгновение спустя Мустафа появился из-за угла — стремительным неровным шагом, почти пробежкой. Стражников он не видел, никого он вокруг себя не видел, бедный мальчик... а того, с кем он сейчас говорил шепотом, оживленно размахивая руками, не видел никто иной. Потому что на самом деле не было никого рядом с ним.

Девчонка за спиной Кёсем вздрогнула всем телом, чуть флакон не уронила: среди служанок о безумном султানে давно уже ходили самые ужасные слухи. Эх ты, дурочка... Если и можно найти во дворце человека, от которого никому не исходит угрозы, то это будет как раз Мустафа.

Уже почти пройдя через двор, султан обернулся. Скользнул по Кёсем взглядом, мучительно наморщил лоб, словно пытаюсь вспомнить или узнать, а потом сделал какой-то жест. Не то приглашая ее с собой, не то, наоборот, предостерегая...

Евнуха и Дениз он по-прежнему не замечал. А уж тем более Мустафа не заметил маленькую фигурку, вдруг появившуюся возле самой дальней из стен, той, что примыкала к павильону шахзаде.

Шахзаде и есть. Младший из них, Ибрагим. Проскользнул через потайную калитку вроде той, которую давеча открывал Зеки, вот только она не заперта на замок, потому что на самом деле не такая уж потайная, охрана о ней знает и в своих действиях учитывает. Но мальчишке вдруг захотелось пополуночничать, он считает себя отважным лазутчиком, так что незачем его смущать.

— Ступай за ним... — шепнула Кёсем евнуху.

Тот крадущимся шагом устремился вслед за Мустафой. Ибрагим тем временем успел метнуться к ограде, прижался спиной, почти исчез в сплетении обвивающих стену виноградных лоз. Теперь он может честно убедить себя, что ловко провел и безумного дядюшку, и невесть откуда взявшуюся мать.

Ну прямо череда неузнаваний случилась этой ночью, шествие глухих и слепых... Кёсем поневоле улыбнулась, хотя на душе у нее скребли кошки: то, что случилось с Мустафой, не к добру.

Вдруг шахзаде дернулся, отлепившись от стены, и уставился на что-то за спиной матери, так что непременно был бы замечен, не продолжай тут все изображать слепых. Кёсем незаметно проследила за его взглядом. Ну конечно, ее сын пялился на Дениз. Та по-прежнему обеими руками держала перед собой «утренний набор» — так янычарский сотник на смотре бунчук торжественно держит, как мулла держит Коран, как ювелир — драгоценное ожерелье... А вот шаль, в которую гедиклис только что была закутана, соскользнула с тела.

Под взглядом своей госпожи девчонка, будто только сейчас спохватившись, ойкнула, торопливо подхватила узорчатую ткань и грациозно задрапировалась в нее, ухитрившись при этом так и не выронить то, что держала в руках. Ну да, конечно, в такую жару улечься спать голышом простительно, а вскочив в спешке, столь же простительно обмотаться чем попало и даже узел не закрепить, госпожа оценит усердие. Разумеется, это импровизированное одеяние может вдруг

свалиться само собой. Прямо под светильником. На глазах у младшего шахзаде, который, как считается, еще слишком юн, чтобы заглядываться на обитательниц гарема. Госпожа поверит и не взыщет.

Бочком-бочком Ибрагим пятился к калитке, стараясь держаться вплотную к стене. Допятился — и исчез, совершенно убежденный, что остался незамеченным. А гедиклис украдкой шмыгнула носом, осознав: в этот предутренний час госпожа уже и так слишком многому верила. Так что она взыщет.

— Где розги для служанок хранятся, помнишь? — сухо осведомилась Кёсем. Взяла из услужливо протянутой Дениз шкатулки ком ароматической смолы, кинула в рот.

— Да, госпожа, — потупилась гедиклис.

— Когда вернемся, ступай туда.

— Не успею до утреннего намаза, госпожа, — ответила девчонка, продемонстрировав и верное чувство времени, и некую смиренную дерзость. Одновременно с этими словами она ловко протянула Кёсем зубоочистительную палочку из благовонного дерева *ним* — как раз когда нужно было. Пожалуй, действительно стоит присмотреться к ней повнимательней.

— Значит, сразу после.

Это Кёсем произнесла уже на ходу. Может, они и не успеют вернуться в спальные покои прежде, чем закричит муэдзин, но совершенно точно незачем, чтобы утро стало их, полуодетых, на мужской половине дворца.

— Слушаю и повинуюсь, госпожа! — Дениз торопливо семенила рядом. — Госпожа... позволишь ли спросить тебя?

Кёсем, не оборачиваясь, кивнула.

— Ты накажешь меня своей рукой, госпожа?

«Ох, девочка, знаешь ли ты, сколько дополнительных розог полагается за такой вопрос?»

Но на самом-то деле смысл его понятен. Собственно-ручно хасеки-султан учит только тех девчонок, которых выделила для себя как ближних, доверенных гедиклис, пред-

назначила им особую судьбу: скорее воспитанниц, чем служанок... Она же и дает им второе гаремное имя, определяющее право на такую судьбу.

— До этого сперва дорости надо. — Она окинула приунывшую Дениз оценивающим взглядом, будто снимая мерку. — Право считаться одной из «девочек Кёсем» дорогого стоит. Даже младшей. Ты покамест девочка Хадидже. Она твоя госпожа, ей и розги в руки.

— Слушаюсь, госпожа, — пролепетала юная гедиклис. И Кёсем почувствовала, что все же должна дать ей еще хоть что-нибудь.

— А имя твое будет...

Вновь смерила малявку взглядом. Здесь, вдали от светильников, было слишком темно, но Кёсем помнила: та синеока, белолица и светловолоса. Таково большинство пленниц, привозимых из славянских земель, — и именно через их лона прорастает семя нынешних владык Блистательной Порты, их облик наследуют султаны и визири, мореплаватели, воины, законоучители... Их кровь течет в жилах той страны, которую иноземцы в невежестве своем продолжают именовать Турцией.

— А зваться теперь будешь Турхан, — завершила она. — «Турецкая кровь».

— Да будет на то твоя воля, госпожа! — просияла новоиспеченная Турхан. — Моя... моя госпожа Хадидже будет счастлива узнать, что ее ничтожная гедиклис получила имя из твоих алмазоблистательных уст!

Надо же... Но про свою хозяйку-наставницу все-таки не забыла. И то хорошо.

— Ну вот и обрадуешь ее, — устало проговорила Кёсем. — Про розги ей тоже напомнить не забудь.

И тут где-то над невидимым отсюда горизонтом встала огненная полоса истинного рассвета. В тот же миг с высоты дворцового минарета закричал муэдзин, призывая правоверных к молитве Фаджр и перекрывая голоса певчих птиц.

Не радуйтесь, правоверные, не радуйтесь и не плачьте! Заткните уши свои, правоверные, крепко зажмурьте глаза, а пуще того — рты завяжите шелковыми платками, губы сомкните, не говорите ни слова, пусть молчание ваше будет столь же несокрушимо, сколь крепки стены крепчайших из крепостей! И да не соблазнит вас шайтан ни полсловечка промолвить про султана, правоверные! Ибо султан... нет-нет, молчите, не говорите ничего!

О султанский дворец! Золотом отделаны твои коридоры, золотом и изразцами невиданной красоты. Цветут на тех изразцах цветы, обвивая стройные колонны, тянутся к небесам, будто моля Аллаха о лучах солнца. Другие же цветы изображены в диковинных корзинах и вазах, и нет среди тех изразцов двух одинаковых, и ни в одном не увидеть изъяна либо скверны. А еще есть на изразцах блюда с фруктами — с персиками и айвой, с инжиром и виноградом, и все плоды совершенны.

Алые ковры брошены под ноги правоверных, дабы легкой была поступь, дабы мысли устремлялись к благочестию, а не вниз, к больным ступням или коленям, ноющим на перемену погоды. Для того же в портиках, украшенных изразцами цвета неба, расположены обитые золотом кушетки, где можно отдохнуть в тишине и в тени, под журчание фонтанов подумать о вечном. Другие же ковры украшали стены, и узоры на них можно было разглядывать с утра до ночи, и тогда осталось бы еще на что поглазеть. О благодатный, Аллахом трижды благословенный, всем обильный султанский дворец!

Султанский дворец будто вымирал, когда султан Мустафа (ой, правоверные, да султан ли он в самом деле? Впрочем... ни слова, мы же все помним, правда?) выходил на прогулку. Тарасились в никуда охранники, изображая статуи, коими неверные украшают свои покои, нарушая запреты Аллаха. Редкие придворные бросались кто куда, завидев

человека, которого должны были звать господином и по-велителем своим. Достоинство сбечь никто не пытался — ай, до достоинства ли тут? В три погибели скрючивались за портиками, пыхтя, упихивали животы в дорогих халатах за колонны, и ни один не корил другого, лишь отводили виновато глаза, случайно встретившись взглядом с товарищем по несчастью. Никому не доставало смелости выйти к султану, поклониться как подобает, осведомиться о какой-либо надобности. Даже дышали через раз и Аллаха молили о прощении. А кого он должен был простить — не упоминали.

Ужас царил в султанском дворце, ужас тонкой газовой вуалью окутывал изящные портики и колонны, с солнечными лучами проникал ужас в султанский дворец и лунной ночью не уходил никуда, лишь набирая силу. Ужас сочился из-под пышных ковров, отравлял цветы и плоды на изразцах, отображался в глазах и запечатывал уста. Оттого и замирали придворные нелепыми изломанными куклами, когда султан проходил мимо них, ведомый не ведомыми никому силами (и не надо правоверным их знать, поверьте, никому их знать не надо!), оттого и задерживали дыхание, чуть ли не жмурились. И выдыхали, только когда шаги султана затихали вдали. Высовывались из-за портьер, распрямлялись, побряхтывая, и спешили разойтись по своим делам — настоящим ли, выдуманным ли... Только бы вновь не попасться на глаза владыке Оттоманской Порты, что нынче блуждал по дворцу, как по дивному лабиринту. Словно птица печали пролетела над ним и забрала все веселье, словно ночная тварь кара-кура села на плечи его, а прочесть Коран и изгнать демона никто не догадался.

Мустафа шел по пустым, украшенным изразцами коридорам, иногда трогал пальцами шелковые занавеси или привезенные издалека ковры, призванные улаживать глаз и скрывать подслушников. Никого сейчас не было за этими коврами, никто не дежурил в потайных коридорах. Тишина, подобная отравленным испарениям зловоннейшего из болот, окутывала дворец во время султанских прогулок.

Тишина, нарушаемая лишь тяжелыми султанскими шагами — и султанским же голосом.

Мустафа говорил почти все время. Иногда замирал у очередного ковра и спорил — спорил яростно, до хрипоты, спорил с окружающей его пустотой, но чаще просил не трогать его, оставить в покое, отпустить с миром. Вставал на колени, кричал, валялся по полу, затем поднимался, словно ничего и не произошло, и шел дальше. Изредка шальная улыбка появлялась на губах султана, не касаясь глаз его, и в такие моменты попавшимся на его пути людям становилось еще страшнее.

Глаза султана смотрели на стены коридоров, на колонны в огромных залах, словно на живых людей, и точно так же Мустафа смотрел на рискнувших попасться ему навстречу незадачливых царедворцев. Кто они? Что за люди? Почему ходят здесь, по знакомым с детства коридорам, о чем разговаривают на неведомых ему языках? Иногда кричал султан своим царедворцам: «Кто ты?» — но ответов не слышал или не понимал. Иногда кричал: «Подите прочь!» — и эти мгновения казались напуганным до беспамятства придворным слаще халвы и шербета, ибо можно было сбежать вроде как и не из трусости, а по велению всемогущего султана. Сам же приказал оставить его — вот и мчались прочь со всех ног, исполняя высочайший приказ.

И многим казалось, что призраки для безумного султана куда реальней, чем живые люди, которыми он правит. Умершие и неродившиеся завладели душой султана, а живых он и замечал-то не всех, а кого замечал — с теми вел себя странной странного. Мог подойти, угостить из пустой руки персиком, сорванным с ближайшего изразца. Тогда требовалось взять пустоту, поклониться, благодарить за милость и есть воздух, делая вид, что вкусней яства и не едал с самого своего рождения. Молва — о, эта тысячеустая и многолика молва! — утверждала, правда, будто иногда персики и гранаты и впрямь появлялись в пустой ладони султана, но... не всему стоит верить, правоверные. Далеко не всему.

И тому верить не следует, что следы султана порой краснели и наполнялись то ли вином, то ли пролитой давным-давно невинной кровью... Злые языки, они понараскажут, им только волю дай. Не было ничего такого. Не гуляли по дворцу ифриты, танцуя в каминах, не шастали гули, выпивая кровь из юных наложниц, и фрукты с неба в разинутые рты тоже сами собой не валялись. Просто султан Мустафа... тсс, правоверные, не будем говорить, что делал султан!

Султан Селим, любимый сын роксоланки Хюррем, хоть пьяницей был лютым, а этот же... невесть что, а не султан. А поди разинь не вовремя рот, шепни не то не в те уши — и будет голова твоя с выпученными глазами торчать на колу, радуя чернь. Известное дело, простой люд хлебом не корми — дай позлословить. Могут злословить о султани, а могут и о тебе, о том, какой глаз твой вороны первыми выклевали, а какой оставили на закуску.

Вот и помалкивали из последних сил. Хотя сил уже почти не оставалось, ведь страх, запертый в душе, не разделенный с близкими людьми, сильнее стократ, чем страх, прожитый в хорошей компании. Как говорят, на миру и жизнь славна, и смерть красна. И слухи змеями выползали из султанского дворца, слухи один другого гаже, и змеи эти жалили правоверных прямо в уши, шипели крамольные мысли, заставляя творить несправедное. И хоть старались *верные люди* укоротить болтливые языки, снять их с головы вместе да обрезать головы гадине-молве, а только известное дело, у такой гадины одну голову обрежешь — четыре на ее месте вырастут. О том еще язычники-эллины говорили.

Но в последнее время молва пошла и вовсе странная: будто Мустафа двоиться начал. Мол, ходят по дворцу два султана, большой да маленький, и говорят между собой о своих странных делах. А то еще болтали, будто тень Мустафы отделялась от него и бродила подле маленьким человечком, отгоняя другие тени, а ежели бросал кто из нерадивых придворных тень на сиятельного султана, так человек

ту тень отрывал и насылал на незадачливого царедворца гнойные язвы и прочую порчу.

Глупости, конечно, но хоть не на пустом месте возникшие. С недавних пор за безумным султаном на прогулку начал утягиваться его племянник шахзаде Ибрагим. Сын Кёсем, плоть от ее плоти, сердце от ее сердца, один из наследников османского трона, ибо, скажем честно, правоверные, детей у Мустафы даже его родная мать уже отчаялась увидеть. И изумлялись царедворцы — почему султанша позволяет сыну подобные прогулки?

Болтали всякое. И что Кёсем-султан готовит Мустафе смену, приучает к своему сыну исподволь, и что безумие Мустафы заразно, а потому подходить к султану совсем не следует — вот юный шахзаде как-то не уберется и теперь тоже стал безумным... И, как водится, в словах этих черпак правды тонул в целой бадье лжи. Правда же была проста и незамысловата: со временем шахзаде Ибрагим стал сопровождать султана Мустафу в его одиноких прогулках.

Не один — двое теперь бродили опустевшими коридорами дворца, двое шарахались от призраков, видимых только им двоим и более никому. Двое разговаривали с усопшими и нерожденными.

Не один.

Двое.

А это, правоверные, уже немного другая история...

* * *

Шахзаде Ибрагим толком и сам не знал, когда начал видеть. Точнее, не так — когда начал видеть *их*.

Наверное, первым был старик. Да, точно, старик с волевым профилем и зоркими ястребиными глазами.

Старик часто ругался с юношей, из правого глаза которого выглядывала маленькая рыбка, смешная и юркая. Юноша был весь опутан тиной и водорослями, а пальцы его правой

руки смыкались на рукояти кинжала. Вот только кинжала-то у юноши и не было.

Равно как и левой руки. Судя по ошметкам рукава некогда богатой одежды, там тоже порезвились рыбы.

— Как можешь ты носить мое имя? — разевал рот старик. Ни звука не доносилось из этого рта, но Ибрагим тем не менее прекрасно понимал каждое слово.

Это могло бы быть смешным — неслышимый крик, несуществующий кинжал... Но сквозь фигуры обоих просветило солнце, и ни стражники, зевающие у входа во дворец, ни редкие придворные, проскакивающие куда-то по ведомым только им делам, старика с юношей не видели и знать не знали об их существовании. Да и существовали ли они, эти двое? Или пылкое воображение Ибрагима нарисовало ему их? Возможно ли, что близость султана и впрямь оказывала тлетворное воздействие?

Но султан Мустафа в ту пору как раз испытывал один из редких периодов просветления и с головой ушел в беседы с Халиме-султан и Кёсем-султан. Он подписывал принесенные бумаги не глядя и жаждал послушать игру на арфе и мелодичное пение. Все это, разумеется, было предоставлено ему с лихвой. Пускай лучше внимает сладкоголосым наложницам, чем бродит неприкаянной тенью по дворцу.

А старик с юношей — вот они, ругаются беззвучно...

— Как можешь ты носить мое имя? Ты недостоин его, глупый, зазнавшийся юнец!

Юноша отмахивался вяло; рыбка в его правом глазу смешно махала длинным полупрозрачным хвостом. Старик не унимался, но со временем Ибрагим стал думать, что ругаются они все больше для вида. В конце концов, кому какая разница, что за имя в прошлой жизни носил призрак?

Да, первым был старик. Юноша появился вторым. А вот третий...

Он был благородных кровей. Ибрагим уверен был, что когда-то даже видел его портрет, пускай правозверным и запрещено изображать себя на картинах, подобно тому, как

делают это неверные и язычники. Но все же шахзаде Ибрагим этого третьего совершенно точно где-то видел.

На шее у третьего был след от веревки. Ибрагим знал, что это означает. Султанскую кровь проливать запрещено. Стало быть... незнакомец принадлежал к султанскому роду?

Старик и его собеседник никогда не обращали на шахзаде Ибрагима внимания, хотя тот и был почему-то уверен, что о его присутствии им известно. Просто, занятые друг другом, они совершенно не желали отвлекаться на посторонних. Но этот призрак сразу же заметил юного шахзаде.

— Кровь Селима, — прошипел он. — Кровь Селима! Семья Селима! Потомок Селима!

Никогда еще Ибрагим не слышал, чтобы имя его прапрадеда произносили с такой ненавистью. Он вообще мало думал о Селиме Пьянице. Ну, был такой. В свой срок взошел на престол, в свой срок скончался — о чем тут думать?

Однако сейчас, когда призрак надвигался на него и бесплотное лицо искажал гнев, а бесплотная рука тщетно искала на поясе оружие, — сейчас шахзаде по-настоящему испугался.

— Чем... — слова не выходили из глотки, получался слабый клекот. — Чем я провинился перед тобой?

— Ты жив, — был жестокий ответ. — Ты жив, а мои сыновья мертвы. Они были моложе тебя, они могли бы править Оттоманской Портой! Но жив ты, а не они.

— Но я не виноват перед тобой! — пытался было сказать Ибрагим, однако слова застревали в горле, а призрак был уже совсем рядом — глаза пылают алым, кулаки наливаются невиданной доселе чернотой, и свет меркнет в глазах юного шахзаде.

Ибрагим осел на алый ковер, и на миг ему почудилось, что собственная кровь покинула жилы его и вся собралась на этом ковре, а руки призрака уже тянулись к горлу шахзаде, и ледяной, мертвящий холод объял юношу — холод, какого доселе он не испытывал, даже и не ведал, что подобное возможно. Шахзаде показалось, что он уже умер

и ангел Азраил стоит подле него с пылающим мечом — пылающим точно так же, как глаза зловещего призрака...

Наверное, Ибрагим потерял тогда сознание. А когда очнулся, призрака рядом уже не было, голова шахзаде покоилась на коленях пристроившегося рядом безумного султана Мустафы. Лицо султана наклонялось над лицом юноши, глаза лихорадочно блеснули:

— Ты тоже их видишь, да? Скажи, ты видишь их?

— Их? — Кажется, Ибрагиму удалось вместить достаточно чувств в одно это тихое слово, потому что Мустафа энергично закивал:

— Да, их. Тех, что ходят здесь без спросу. Тех, кому принадлежит это место на самом деле.

— Я их вижу, — тихо застонав, признался шахзаде.

В голове разом мелькнула, казалось, сотня мыслей. Неужто и вправду дворец принадлежит призракам? Можно ли верить султану в этом вопросе? Неужели так сходят с ума или и впрямь султан единственный зрячий здесь, а остальные жалкие слепцы? И даже если так, то как вести себя дальше? Все же султан рядом, пускай он и дядюшка, которого жаль и одновременно стоит побаиваться. Ведь безумен там султан или нет, а стоит ему пальцем шевельнуть — и голова одного бесталанного шахзаде вполне может слететь с плеч...

Мустафа блеснул глазами и вдруг словно разом потух. Отстранил Ибрагима, встал, вгляделся в юношу, одновременно пристально и беспомощно:

— Ты... ты их видишь, а я вижу тебя. Кто же ты?

Ибрагим растерялся, а Мустафа продолжал настаивать:

— Кто ты? Назовись!

— Я... я шахзаде Ибрагим, сын султана Ахмеда и Кёсем-султан...

Бесполезно: султан словно бы и не слышал. Продолжал твердить: «Кто ты?» — и, возможно, готов был уже позвать охрану. Что же делать? А может, сбежать, пока султан не в себе, а потом отрицать все, будто ничего и не было?

Тогда-то и появился четвертый призрак. Женщина, невысокая, изможденная, словно давно заболевшая и так и сошедшая в могилу из-за сведавшей ее хвори. А ведь когда-то была красивой, это даже Ибрагим мог сказать, пускай и не интересовался никогда всерьез женской красотой. И одета богато, совсем как матушка.

— Это сын Махпейкер, — сказала она негромко, и Мустафа просиял, словно услышал что-то крайне приятное. Развернулся к Ибрагиму и требовательно спросил:

— Правда, что ли? Ты — сын Махпейкер?

И что тут поделаешь? Ибрагим растерянно захолопал ресницами, но женщина за плечом султана требовательно кивнула, и шахзаде покорно повторил:

— Да, я сын Махпейкер.

— Ну так это же другое дело! — возликовал султан. — Сын моей сестры — мой брат! Идем, я угощу тебя халвой и персиками!

Ибрагим послушно последовал за султаном. Женщина куда-то делась — растворилась в воздухе, не иначе! — а молодой шахзаде шел вслед за Мустафой и слушал, как тот рассказывает о призраках. Рассказывал султан сбивчиво, часто забывая, о чем начинал рассказ, и перескакивая с пятого на десятое, но Ибрагиму все равно было интересно. А еще нравилось, как придворные провожают их обоих перепуганными взглядами.

Странное удовольствие и, наверное, не слишком пристойное, но все равно приятно.

Лишь одна мысль после той прогулки мучила шахзаде, и, улучив минутку, он поинтересовался у матушки:

— Тебя и впрямь когда-то звали Махпейкер?

— Где ты услышал это имя? — удивленно подняла тонкие брови Кёсем-султан.

— Султан называл тебя так, — склонил голову Ибрагим. Почему-то не хотелось рассказывать о призраках и странной женщине, ведь тогда придется поведать и о чудовищном незнакомце... А так, если вдуматься, он ведь

сказал чистую правду: султан Мустафа и впрямь имя это называл!

Кёсем-султан тихонько вздохнула:

— Да, меня действительно звали Махпейкер... очень-очень давно.

— Здорово! Когда у меня будет жена, назову ее в твою честь, — радостно сообщил Ибрагим и, рассмеявшись, побежал по своим делам. Мало ли у шахзаде забот?

Он не видел, как страдальчески изогнулись губы могущественной султанши, как на миг прикрыла она лицо изящной ладонью, прошептав горестным шепотом:

— Дай Аллах, чтобы так и было, мальчик мой, дай Аллах...

Ничего этого шахзаде Ибрагим не видел и не слышал. Его переполняли бурные чувства: гордо шествовал он по коридорам, высоко задрав подбородок. Подумать только, султан и он могут подружиться! Они вдвоем могут путешествовать по дворцу, разговаривать с призраками! Наверное, и от того, злого, вдвоем как-нибудь отобьются. Особенно если попросить о помощи да хотя бы ту женщину, а то и старика с юношей...

Шторы колыхались за спиной юного шахзаде, словно не сквозняк шевелил их, а невидимые фигуры держали совет меж собою о том, что делать дальше, спорили, махали руками... Кажется, так ни к чему и не пришли, разбрелись в сторону, позволив юноше пройти, дав ему жить и дышать.

Но с тех пор султана Мустафу в его прогулках часто сопровождал племянник Ибрагим. И это, кажется, приносило султану облегчение в страданиях его. А юный Ибрагим... ну, ему не повредит.

Даже если и повредит — не один наследник у Оттоманской Порты. На всех трона не хватит.

* * *

А все-таки хорошо знать дворец, даже не как пять пальцев своих, а как каждую морщинку у глаз, пока все еще

прекрасных, но уже начинающих стареть, как украшения свои, которые перебираешь в одиночестве в тиши собственных покоев. Как старую колыбельную, что напевала каждому из своих сыновей, кроме одного, самого дорогого сердцу...

Кёсем-султан часто пользовалась теми знаниями, что усвоила, еще будучи юной Махпейкер, одной из многих прислужниц Сафие-султан, одной из нескольких любимиц шахзаде Ахмеда... Ах, юный шахзаде, что сделали с тобой годы? Что сделал с тобой трон Блистательной Порты?

Что сделала с тобой жена-предательница... Хотя ты и не узнал об этом никогда. Но ведь охлаждения между супругами не утаишь, равно как и не согреешься у потухшего очага.

Кёсем шла потайными коридорами, перебирала невеселые мысли, как четки во время молитв. Одна за другой, одна за другой и дальше — по кругу. Тогда-то и услышала разговор, заставивший ее остановиться и прислушаться.

Беседующих было трое. Первый — вислоусый стражник в мешковатой рубахе-каис, подпоясанной алым кушаком, и коротком жилете. Голова его была прикрыта феской, а печальные глаза напомнили Кёсем об овечьем стаде, покорно бредущем сквозь пыль и жару маленьких улочек то ли на пастбище, то ли на убой. У овец были точно такие же глаза. Детское воспоминание всплыло в памяти словно само собой, и Кёсем лишь покачала головой, одновременно дивясь сравнению и посмеиваясь над ним.

(А ведь и вправду есть чему удивиться: на ее давней полузабытой родине баранина была праздничным лакомством, здесь же, в Блистательной Порте, ее даже простолюдины в будние дни едят... но могущественная султанша ни разу воочию овечьего стада не видела. Впрочем, и с простолюдинами тут ей трапезу делить не приходилось!)

Вторым был евнух — из тех, что прислуживают наложницам-икбал. У них нынче мало было работы, ведь уж кто-кто, а Мустафа женщинами не интересовался вовсе, как

ни старалась матушка Халиме-султан подсунуть в его постель хотя бы кого-нибудь.

Евнух отличался дородностью: толстые щеки лоснились, а маленькие глазки-буравчики почти полностью скрывались в складках между бровями и веками. Да уж, красавчиком его назвать было никак нельзя! Но из беседовавших он показался Кёсем-султан самым умным. В конце концов, постоянные интриги гарема воспитывают осторожность и закаляют разум.

Третий же явно происходил из знатного рода, и сначала Кёсем подивилась превратностям судьбы, которая свела этого юношу с его собеседниками. Но потом, поразмыслив, султанша пришла к выводу: этот юноша явно не был старшим сыном, да и вторым сыном — вряд ли. Какой-то влиятельный отец сумел выбить ему мелкую должность при дворе, а дальше молодой человек вынужден был крутиться сам, держать уши широко открытыми, а вот рот — плотно закрытым. Первое ему явно удавалось, второе — не очень.

Одет юноша был в зеленый кафтан с ложными рукавами. Ткань дорогая, шерстяная, но тонкая. Богато расшитые остроносые туфли выглядывали из-под роскошного одеяния, намекая на то, что в деньгах молодой придворный не стеснен.

Судя по всему, остальные беседующие не случайно встречаются с ним: продажа слухов и сплетен во дворце поставлена была на широкую ногу, и на этот товар всегда находились купцы. А ежели распорядиться слухами умеючи, то добиться можно было многого. Другой вопрос, что юноша вряд ли умел как отделять жемчужины смысла от пустых раковин глупости, так и слушать, не выдавая собственных мыслей. Возможно, тот же евнух с радостью продаст сведения, которые выудил из молодого царедворца, другому такому же — ну или кому поумнее.

Кёсем разглядывала этих троих из-за тонкой занавески с многочисленными дырочками, которая позволяла видеть весь коридор, а самой оставаться незамеченной, и гадала,

к чьей партии принадлежит юноша, а кого представляет на самом деле внух? Со стражником-то все понятно: он представляет янычар и, значит, партию военных. Впрочем, сошка он явно мелкая, многого знать по положению своему не может. А вот об остальных нужно будет повыспрашивать, ведь от этого смысл беседы может измениться до неузнаваемости.

Впрочем, одна из обсуждаемых тем ее действительно взволновала. И немудрено, ведь не каждый раз слышишь, как нижестоящие всласть сплетничают, ни много ни мало, о тебе самой!

— Ну-у-у... — Вислоусый стражник со значением подкручивал усы до тех пор, пока маленький кошелек не перекочевал из ладони юноши в его собственную, а оттуда — за алый кушак. Уж там-то его никакие воры не достанут! — Слухи и впрямь разные ходят, и пересказывать их мне, прямо скажу, неохота...

«Потому что половину ты только что придумал и все равно выложишь рано или поздно, а половину тебе пересказал тот самый внух», — не без ехидства подумала Кёсем.

— Однако, почтенные, могу поведать то, чему сам я был свидетелем, и пусть Аллах поразит меня молнией на этом самом месте, ежели соврну хотя бы в малости!

Стражник гордо выпятил подбородок, но то ли Аллаху не было дела до его мелочной похвальбы, то ли и впрямь не лгал он... Ну разве что преувеличивал чуть-чуть, самую малость.

— Так вот, многодостойные: однажды заступил я на пост и вдруг вижу Кёсем-султан. Вижу вот этими самыми глазами, так же ясно, как вас нынче!

Слушатели закивали. Очевидно, слепотой стражник и впрямь не страдал. Ну или только чуть-чуть, да. Самую малость.

— Само собой, я поклонился и приветствовал ее, как и подобает приветствовать великую хасеки. Она же одарила меня царственным кивком и прошла вглубь во-он того коридора!

Взмах широкой, похожей на лопату руки, — и слушатели, словно завороченные, уставились по направлению «во-он того коридора», как будто рассчитывали увидеть там Кёсем-султан.

— Разумеется, уважаемые, я ни слова более положенного ей не сказал и вообще выказал всяческое почтение. Она скрылась, и я продолжил дежурство. Но вот что удивительно — солнце совершенно не сдвинулось на небосводе, то есть не прошло и часа, как из той же самой двери вышла... — Стражник одарил затаивших дыхание собеседников весьма значительным взглядом: — Вышла Кёсем-султан, провалиться мне на этом самом месте!

— Но... как же так? — изумленно вытаращился вельможа.

Евнух глубокомысленно потер расплывшийся подбородок и изрек:

— Такое вполне возможно. Коридоры дворца извилисты, и почему бы султанше не сделать по ним полный круг?

Стражник сокрушенно покачал головой:

— Так-то оно так, уважаемый, однако одяние на ней было совершенно иным! Уж голубое-то платье я с шафрановым не перепутаю. И в следующий раз она одарила меня лишь легким кивком, почти незаметным, когда я приветствовал ее. И ушла. Во-он в тот коридор!

Евнух развел пухлыми руками:

— Воистину женщина имеет право на капризы, а уж Кёсем-султан имеет этих прав поболее иных! Что тут удивительного?

Юноша-придворный с напускным сожалением вздохнул:

— Может, и ничего, но человек, весьма достойный доверия, говорил мне, что, когда Кёсем-султан видели в покоех Мустафы... — юноша понизил голос до шепота, Кёсем пришлось вслушиваться, чтобы уловить, о чем он говорит, — в то же самое время она говорила с генуэзскими собаками, да покарает их Аллах!

Самое время порадоваться бы — вот и выяснилось, к какой партии принадлежит болливый придворный, — но Кёсем

чувствовала глухое раздражение. Доигрались девочки, значит... Добегались.

Обе Хадидже выросли в изумительных красавиц: именно выросли, хотя обе давно полагали себя более чем взрослыми и, по правде говоря, имели для того основания. Но у юного женского тела свои законы, оно иной раз продолжает взрослеть даже после того, как его обладательница успела побывать возлюбленной или даже матерью. Особенно когда это случается столь же рано, как в Дар-ас-саадет.

Тут Кёсем поневоле подумала о своих годах — и искренне изумилась, осознав, насколько недавно она, оказывается, преодолела рубеж тридцатилетия. «В возрасте пророка Исы», как говорят христиане, верующие в этого пророка как в сына Аллаха. И даже этого возраста она на самом-то деле не достигла. «Бабушке Сафие», какой та увидела юную Махпейкер, во внучки уже не годишься, но в самые младшие дочери — вполне.

А казалось — такая долгая жизнь позади... Воистину рано взрослеют в Дар-ас-саадет. И до подлинной старости тоже доживают нечасто.

Она внимательно посмотрела на своих девочек. Хадидже-первая была чуть более смуглой, большеглазой и сохранила удивительную гибкость. Хадидже-вторая отличалась величавостью и грациозностью, двигалась, словно дивная пери, и, как сказал в свое время сам султан Сулейман: *«Милая моя, станешь свечой, а твой милый — мотыльком»*.

Пусть и не знал султан тогда Хадидже-второй, но живи она в то время... о, живи она в то время, вполне могла бы вдохновить поэта Мухибби¹ на эти строки!

В глубине души Кёсем, конечно, знала цену и величавости этой, и изяществу, и томному взору, и показной скромности... Тяжким трудом, потом и слезами измерялась эта

¹ Стихотворный псевдоним султана Сулеймана Великолепного.

цена, трудом юной девочки-ученицы, слезами служанки, изнурительными тренировками фаворитки-гёзде! И пускай сплошная фальшь была в сладких улыбках и томных вздохах, но здесь, в гареме, фальшь ценилась, особенно если была подана столь изысканно.

Хадидже-первая иногда казалась Кёсем свежим ветерком, разгоняющим гаремный зной, а Хадидже-вторая — средоточием этого гаремного зноя, когда вроде бы и не жарко, а даже самые выносливые падают в обморок, а рядом журчит, журчит ручеек, но воды нельзя испить ни капли. Поэтому Кёсем и использовала Хадидже-первую для опасных дел, дерзких и порой темных, а Хадидже-вторую — для пышных церемоний и изысканных бесед. Обеих Хадидже подобный порядок устраивал.

Порой Кёсем изумлялась тому, как же слепы те, кому положено быть зрячими если не по зову сердца, так хотя бы по долгу службы. Стоило любой из Хадидже уложить волосы так, как делала это сама Кёсем, накрасить лицо подобающим образом и облачиться в роскошные одежды, как замечать их отличие от почтенной валиде просто переставали. Словно иблис запечатывал людям глаза. До сих пор Кёсем была этому даже рада...

...Но не сейчас.

Стражник выпучил глаза, махнул рукой, сложив пальцы в охранном знаке, и пробормотал: «Ведьма! Клянусь Аллахом, ведьма!»

Кёсем лишь головой покачала. Вот ведь! Что за печальное зрелище эти людские суеверия! Словно и других поводов позлословить нет!

Евнух, кажется, считал точно так же — или попросту побаивался идти против могущественной валиде. Украдкой оглядевшись по сторонам, он буркнул:

— Ты бы, уважаемый, придержал язык, что ли... Не ровен час, сам понимаешь...

На сей раз знак, отгоняющий зло, сделал не только стражник, но и вельможа, торопливо пробормотав:

— Мы ведь ничего такого в виду не имели. Просто... люди болтают...

— Люди, — со значением молвил евнух, — не боятся с головой расстаться, как я погляжу. Ну а у меня голова одна. Пожалуй, пойду я, почтенные, у меня дел еще невпроворот.

Собеседники попрощались немного невпопад, и евнух ушел, на удивление бесшумно для своих лет и комплекции. Когда он проходил мимо шторы, за которой пряталась Кёсем, та почти против воли замерла и задержала дыхание. Затем сама себе удивилась — чего это она? Обычный евнух, таких в гареме тринадцать на дюжину. Она — великая хасеки, подлинная валиде и имеет право делать что угодно!

Ах, если бы это было правдой! «Что угодно» — какая чудесная сказка! Уехать бы сейчас из дворца, обнять Каргала, обнять Тургая, поздороваться весело с подружкой детства Башар... Даже Марты, и та готова принять Кёсем как сестру, несчастная женщина-чайка! И лишь сама валиде не в силах преодолеть собственное сердце.

Здесь, где каждый встречный норовит ужалить в спину, где нельзя доверять даже самой себе, растут ее сыновья. Здесь же, без права на свободу, останутся ее девочки, доверившиеся ей. И пускай они уже и сами способны за себя постоять... но слишком еще много тех, кто сметет фавориток бывшей валиде с пути, словно невесомую паутину, и не обернется. Разве что евнухам выговор сделает, что гарем не содержит в чистоте, а те бы служанок погоняли.

Оставшись вдвоем, стражник и юный царедворец одновременно выдохнули и заговорили, перебивая друг друга:

— Да я ничего такого...

— Да никто здесь в виду не имел...

— Просто люди говорят...

— Вот! Не мы — люди!

Кёсем задумчиво покивала своим мыслям. Еще раз послушала, «что люди говорят», — оставшись без более осторожного сотоварища, собеседники более не стеснялись.

Узнала несколько новых историй, концовка у которых была весьма любопытной. Когда речь зашла о том, как валиде-султан летучей мышью выпорхнула в окно и «тот человек врать не станет, ему зять сказал, он служит в дворцовой канцелярии, а зять там такой человек — святой, ну почти святой!», Кёсем-султан решила уйти.

Думала было выйти и напугать сплетников до полусмерти, но не стала. Зачем? Они придут в себя и вновь распустият языки. Чего доброго, расскажут, как соткалась она посреди пустого коридора из дыма и заговорила, выпуская изо рта языки огненные. Только лишний раз в своем скудоумии убедятся, что валиде-султан — ведьма, и разнесут эту мысль по всему дворцу. Да и разве они одни такие? И не сосчитаешь ведь, сколько языков одновременно мелют по всему дворцу. А уж по Истанбулу сколько ядовитых слухов носится, так и вовсе представить страшно.

Разве что вырвать эти языки. Все, не все, но пару так точно. Это можно — хоть прямо сейчас. Халиме-султан так бы и поступила... поэтому ее несчастный сын недолго пробудет султаном. К счастью, у Халиме руки коротки. Иначе она давно бы утянула в пропасть со своим сыном и себя, и Кёсем, и ее сыновей... Может быть, даже всю Высокую Порту.

Этому не бывать. Трон Порты будет принадлежать потомкам Кёсем.

Но девочек все-таки предупредить надо, чтобы поумерили пыл. Хорошо, что они есть, без них нынче как без рук, но все же впредь следует согласовывать выходы. И следует не забыть повелеть сшить несколько платьев из одинаковой ткани, а то ведь стражник глуп, но глазаст — углядел, что платья разные, и сообразил, что за час вернуться в покои и переодеться почти невозможно. А ежели кто-то из Хади-дже попадется на глаза человеку более сообразительному?

Впрочем, тут уже и неважно, глупец их увидит или умный. Важно, что слухи поползут. А ненужных слухов и без того ходит предостаточно. Решат, к примеру, янычары, что именно она заколдовала султана (с Халиме-султан станется

подбросить такую дурацкую мысль), — что тогда? И Му-стафу от беды не убережешь, и Оттоманскую Порту, если подумать, тоже. Ну и сама без головы останешься...

Собственная голова со временем интересовала Кёсем-султан все меньше, и ее, признаться, это пугало. Словно перестала она со временем рассматривать себя как человека. Как мать будущего султана и сестру нынешнего — да; как валиде, которая должна заботиться о своих фаворитках, — да; как правительницу могущественной страны — безусловно, а вот как человека... Это потерялось где-то в повседневной круговерти, среди интриг и ежедневного ожидания беды. Не для себя беды — для других; и это всего сильнее заставляло бояться.

Где та смеющаяся Махпейкер, верная подруга и верная жена? Где бросившаяся в любовный омут с головой женщина? Нет их, как и не бывало вовсе. Словно Кёсем разглядывает картинки в гяурской книге про другого совсем человека, не про себя саму. Есть правительница империи, мать и сестра. А самой Кёсем давно уже нет.

И сейчас правительница и госпожа, заботящаяся о тех, кто доверился ей, будет исправлять ошибки этих доверившихся. Причем исправить ошибки нужно обязательно, а то головы полетят. Не только голова валиде, но и глупые головышки молоденьких дурочек, заигравшихся в ужасно интересную игру.

* * *

Двое стояли перед Кёсем, две юные красавицы, о каждой из которых поэт мог бы сказать:

От желания встречи с тобой, о несравненная жемчужина,
Окрасились кровью сердец подола близких друзей.

Глаза Хадидже-первой смотрели пытливо, хоть губы и изгибались в чуть лукавой и притворно скромной улыбке, приличествующей девушке беспечной и недалекой, увле-

Содержание

Глава 1. Птичий крик	5
Глава 2. Время друзей	38
Глава 3. Лезвие Азраила	53
Глава 4. Увядший цветок	72
Глава 5. Пояс для трех мечей	85
Глава 6. Крылья бабочки	102
Глава 7. Время лицедейства	131
Глава 8. Время испытания	152
Глава 9. Время игр	173
Глава 10. Время бороться со смертью	193
Глава 11. Время бороться за жизнь	213
Глава 12. Время иных клинков	231
Глава 13. Время неистовства	257
Глава 14. Время слабости	281

Літературно-художнє видання

МЕЛЕК Ширін
Кьосем-султан. Змова

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Єлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.11.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Vazhanov». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

МЕЛЕК Ширин
Кёсем-султан. Заговор

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Елахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.11.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Vazhanov». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Влада над Османською імперією в руках молодого султана Мустафи. Але він практично не править. Кьосем-султан, дружина покійного султана, та її вірні помічниці займаються реальними справами держави, продумуючи хитрі політичні схеми. Кьосем має намір зміцнити свою владу за будь-яку ціну. На престол повинен зійти її син Мурад. Але вороги готують замах на принца... Ті, хто ще вчора присягали Кьосем на вірність, сьогодні готові встромити ніж у спину володарці. У руках колишньої рабині та невірлиці влада над великою Османською імперією. Однак той, хто високо літає, одного разу може розбитися вщент...

Мелек Ш.

М47 Кёсем-султан. Заговор : роман / Ширин Мелек. – Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. – 304 с.

ISBN 978-617-12-5419-0

Власть над Османской империей в руках молодого султана Мустафы. Но он фактически не правит. Кёсем-султан, жена покойного султана, и ее верные помощницы занимаются реальными делами государства, выстраивая хитрые политические схемы. Кёсем намерена укрепить свою власть любыми способами. На престол должен взойти ее сын Мурад. Но враги готовят покушение на принца... Те, кто еще вчера клялись Кёсем в верности, сегодня готовы всадить нож в спину повелительнице. В руках бывшей рабыни и невольницы власть над великой Османской империей. Однако тот, кто высоко летает, однажды может разбиться вдребезги...

УДК 821.161.1(477)

Исторический роман о красавице Кёсем — настоящий подарок для поклонников сериалов «Великолепный век» и «Кёсем-султан»! Вы узнаете реальную историю жизни простой девушки Анастасии, ставшей самой любимой женой могущественного султана.

Кёсем-султан — величайшая женщина в истории Османской империи. Ее любили и ненавидели, боготворили и боялись. По своему могуществу Кёсем можно сравнить лишь с ее легендарной предшественницей Роксоланой. Но какой на самом деле была супруга османского правителя? Кто были ее друзья и враги? И почему именно она стала символом Великолепного века?

Правление впадающего в детство султана Мустафы и спокойная жизнь Кёсем подходят к концу. Уходят друзья, поднимают голову враги... Чтобы величие Османской империи не померкло, на трон должен сесть новый, достойный наследник. Но даже родные сыновья не годятся на эту роль... Как противостоять проклятию потомков Роксоланы? Кёсем понимает — её будущая сила в «маленьком гареме», в юных сторонниках, в новой султанше, которой когда-то станет одна из этих девочек. Только тогда она позволит себе мечтать о собственном счастье...

